

МАЙОРОВ Георгий Александрович — доцент, кандидат экономических наук; доцент кафедры социологии, психологии управления и истории Государственного университета управления (109542, Россия, г. Москва, Рязанский пр-кт, 99; maiorov.7575@mail.ru)

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН: ТРАНСФОРМАЦИЯ ФОРМ ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ И МЕСТО КПРФ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация. В статье анализируется историческая трансформация института политических партий от момента возникновения в XVII–XVIII вв. до современного этапа с акцентом на эволюцию российской партийной системы постсоветского периода и положение КПРФ в данном процессе. Исследование охватывает период 1990–2025 гг. Автор прослеживает изменение роли партий в условиях появления альтернативных форм политической мобилизации – медийных лидеров, цифровых платформ, сетевых движений, ситуативных протестных коалиций. На основе сопоставления российского и международного опыта выявляется тенденция снижения монопольного положения партий в системе политического представительства при сохранении их формального институционального статуса, что позволяет поставить вопрос о соответствии традиционной партийной формы вызовам современности. КПРФ представлена как случай партии, балансирующей между сохранением организационной преемственности с советской эпохой и необходимостью адаптации к принципиально иным условиям функционирования, что отражает общие противоречия эволюции партийных структур в эпоху цифровизации и индивидуализации политического участия.

Ключевые слова: политические партии, КПРФ, трансформация партийной системы, исторический процесс, постсоветская Россия, департизация, новые формы политического участия

Политическая партия (Πολιτική с др.-греч. — искусство управления Государством, *pars* с лат. — часть), исходя из этимологии, предполагающая управленческий приоритет части над целым с целью достижения политического равновесия, представляет собой феномен, возникший в определенных исторических условиях. Первые протопартийные структуры начали формироваться в Англии в XVII в. в период борьбы между сторонниками парламента и короны, когда тори и виги оформились как относительно устойчивые политические группировки [Дюверже 2013: 210]. Американский опыт конца XVIII в. с противостоянием федералистов и антифедералистов, французские политические клубы эпохи Великой революции 1789–1794 гг. — жирондисты, якобинцы, фельяны — демонстрировали постепенную институционализацию политического соперничества. К середине XIX в. в Великобритании консерваторы и либералы уже функционировали как полноценные партийные организации с развитой структурой, а в Германии в 1863 г. Фердинанд Лассаль основал Всеобщий германский рабочий союз — первую массовую социалистическую партию [Острогорский 1997].

XX в. стал эпохой расцвета партийного дискурса, когда партии не просто участвовали в политической жизни, но определяли ее основные контуры на геополитическом уровне. Большевицкая партия в России после 1917 г., Национал-социалистическая рабочая партия Германии в 1933–1945 гг., Коммунистическая партия Китая с 1949 г. по н.в. демонстрировали притязания

на монопольное положение в политической системе, в то время как Соединенные Штаты, Великобритания, Франция сохраняли многопартийную конкуренцию. Советская модель, основанная на руководящей роли КПСС, закрепленной в ст. 6 Конституции СССР 1977 г., представляла собой особый тип партийно-государственной системы, где партийная принадлежность становилась важнейшим социальным маркером [Восленский 2020].

Рубеж 1990-х – нулевых годов ознаменовал качественные изменения в роли партий как институтов политического представительства. С падением СССР и его монопартийной системы в 1991 г. произошла трансформация не только политического ландшафта, но и социального сознания – принадлежность к партии, оставаясь индикатором политических предпочтений, утратила характер социальной необходимости. Коммунистическая партия Российской Федерации (КПРФ), заявившая о себе как о преемнице КПСС на учредительном съезде в феврале 1993 г., оказалась в принципиально иных условиях: если существование КПСС базировалось на конституционной монополии, то КПРФ начала функционирование в многопартийной системе, характеризующейся не только множественностью политических акторов, но и размыванием самого статуса партии как формы политической организации [Коргунюк 2007].

В нашем представлении, проблемный вопрос, требующий исторического осмысления, заключается в том, можно ли рассматривать партии как атавизм политической системы, исходя из наблюдаемой исторической динамики, и каково место КПРФ в этом процессе трансформации.

Академическая традиция изучения политических партий восходит к работам М.Я. Острогорского, который в конце XIX в. первым предпринял систематическое исследование партийных организаций в Великобритании и США, выявив тенденцию к олигархизации партийного руководства [Острогорский 1997]. Роберт Михельс в 1911 г. сформулировал «железный закон олигархии», согласно которому любая организация, включая демократические партии, неизбежно эволюционирует в сторону концентрации власти в руках узкой группы лидеров [Михельс 2022]. К середине XX в. (в 1951 г.) Морис Дюверже предложил классификацию партий: кадровые и массовые, где первые представляли собой объединения нотаблей для электоральных целей, а вторые – организации с разветвленной структурой и массовым членством [Дюверже 2013]. В дополнение к этому Джованни Сартори расширил типологию, выделив партии-движения, электоральные партии, парламентские партии, партии-государства и пр., каждая из которых соответствовала определенному этапу политического развития [Сартори 2004], а Клаус фон Байме идентифицировал 9 идеологических семейств партий в Западной Европе: либеральные, консервативные, социалистические, коммунистические, аграрные, региональные, христианско-демократические, правопопулистские и экологические [Байме 2003].

Становление многопартийной системы в России началось еще в период перестройки, когда в 1990 г. была отменена ст. 6 Конституции СССР о руководящей роли КПСС. К моменту распада Советского Союза в декабре 1991 г. на политической арене действовали Демократическая партия России (создана в мае 1990), Социал-демократическая партия России (основана в мае 1990), Республиканская партия России (учреждена в ноябре 1990), Либерально-демократическая партия (зарегистрирована в марте 1990) [Коргунюк 2007]. Период 1993–1995 гг. характеризовался взрывным ростом числа партий и движений – к выборам в Государственную думу 1993 г. было зарегистрировано

13 избирательных объединений, а к 1995 г. их число достигло 43 [Коргунюк 2007]. КПРФ, восстановленная после решения Конституционного суда от 30 ноября 1992 г. о неконституционности указов Ельцина о запрете деятельности компартии, быстро заняла доминирующие позиции в левом сегменте политического спектра, получив на выборах 1995 г. 22,3% голосов и 157 мандатов из 450 [Коргунюк 2007].

В целом, эволюция российской партийной системы в нулевые годы демонстрировала тенденцию к консолидации и сокращению числа действующих партий. Принятие в 2001 г. закона «О политических партиях»¹ установило жесткие требования к численности (первоначально – 10 тыс. членов, с 2004 г. – 50 тыс.) и региональному представительству (отделения в более чем половине субъектов федерации). К 2007 г. число зарегистрированных партий сократилось до 7, среди которых доминировали «Единая Россия» (создана в декабре 2001 г. путем объединения движений «Единство» и «Отечество – Вся Россия»), КПРФ, ЛДПР и «Справедливая Россия» (образована в 2006 г.).

Отразим электоральные результаты на протяжении 1993–2021 гг. вышеназванных партий, в т.ч. и КПРФ, в табличном виде (см. табл. 1).

Таблица 1

Электоральные результаты основных политических партий России (1993–2021), %

Партия	1993	1995	1999	2003	2007	2011	2016	2021
КПРФ	12,4	22,3	24,3	12,6	11,6	19,2	13,3	18,9
ЛДПР	22,9	11,2	6,0	11,5	8,1	11,7	13,1	7,6
«Единая Россия»*	–	–	23,3	37,6	64,3	49,3	54,2	49,8
«Справедливая Россия»	–	–	–	–	7,7	13,2	6,2	7,5

*До 2001 г. «Единство» и ОВР – отдельно.

Процесс размывания партийных границ отчетливо проявился в феномене «партии власти» – структуры, объединяющей представителей исполнительной власти различных уровней независимо от их идеологических предпочтений. Последовательная смена партий «Демократический выбор России» (1993–1994), «Наш дом – Россия» (1995–1999), «Единство» (1999–2001) и, наконец, «Единая Россия» демонстрировала институциональную неустойчивость партийных структур, привязанных к административному ресурсу. Параллельно происходило формирование квазипартийных образований, таких как Общероссийский народный фронт (создан в мае 2011 г.), движение «За честные выборы» (декабрь 2011), различные гражданские платформы и коалиции, которые выполняли функции политической мобилизации без формального партийного статуса.

Значимым фактором трансформации стало возрастание роли персонального лидерства и медийного капитала в политическом процессе. Владимир Жириновский превратил ЛДПР в определенной мере в персональный политический проект, где партийная структура служила инструментом продвижения харизматического лидера. Так, согласно неоднократным

¹ Федеральный закон «О политических партиях» от 11.07.2001 N 95-ФЗ (посл. ред.) Доступ: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32459/ (проверено 22.01.2026).

опросам Левада-Центра, проведенным в 2016, 2019 и 2021 гг., называли в качестве главной причины, по которой они готовы голосовать за ЛДПР, «симпатию лидеру этой партии» 51%, 51% и 45% опрошиваемых соответственно¹. Михаил Прохоров на выборах 2012 г., набрав 7,98% голосов без опоры на партийную организацию, продемонстрировал возможности самовыдвижения при наличии финансовых ресурсов и медийной узнаваемости². Не проводя оценку политических взглядов, отметим, что Алексей Навальный также, не имея партийной регистрации, сумел мобилизовать значительную протестную активность в 2011–2013 и 2017–2021 гг. через социальные сети и видеоплатформы [Волков 2012].

Международный контекст подтверждает универсальность тенденции департизации политики. Движение «Пять звезд» в Италии, основанное комиком Бeppe Грillo в 2009 г., принципиально отказывалось называть себя партией, позиционируясь как «свободная ассоциация граждан» [Lanzone 2014]. Эммануэль Макрон во Франции создал движение «Вперед!» всего за год до президентских выборов 2017 г., опираясь на личную популярность, а не на традиционные партийные структуры. *Brexit* в Великобритании продемонстрировал раскол внутри традиционных партий: и Консервативная, и Лейбористская партии раскололись по вопросу выхода из ЕС. Дональд Трамп, формально представляя Республиканскую партию, фактически действовал как независимый политический предприниматель, что особенно проявилось при его возвращении к власти в 2024 г. после поражения в 2020 г. Кроме того, в 2022 г. американский политик запустил собственную социальную сеть *Truth Social* (под эгидой компании *Trump Media & Technology Group*), а в 2025 г. – криптовалютный токен *\$TRUMP*³.

Возвращаясь к КПРФ, подчеркнем, что на фоне текущих обстоятельств партия демонстрировала двойственную стратегию адаптации. С одной стороны, партия сохраняла традиционные организационные формы – первичные организации, районные и областные комитеты, съезды, пленумы ЦК, что позволяло поддерживать преемственность с советской эпохой. Численность партии, по данным самой КПРФ, составляла около 160 тыс. чел. в 2020 г., что делало ее одной из крупнейших по формальному членству⁴. С другой стороны, партия постепенно осваивала новые формы политической коммуникации: создание молодежных движений (Союз коммунистической молодежи, Ленинский коммунистический союз молодежи), использование социальных сетей, выдвижение медийно узнаваемых кандидатов наподобие Павла Грудина в 2018 г.

Протестные движения 2011–2012 гг. («За честные выборы»), 2017 г. (антикоррупционные акции), 2019 г. (протесты в Москве), 2020–2021 гг. (в поддержку Навального и против конституционных поправок) демонстрировали способность к политической мобилизации вне партийных структур. Координация через мессенджеры *Telegram* и *WhatsApp*, распростра-

¹ Образ парламентских партий в общественном сознании. – *Левада-Центр*. Доступ: <https://www.levada.ru/2021/04/28/obraz-parlamentskih-partij-v-obshhestvennom-soznanii/> (проверено 22.01.2026).

² Результаты выборов. – *ЦИК РФ*. Доступ: http://www.cikrf.ru/banners/vib_arhiv/president/2012/itogi/result.php (проверено 22.01.2026).

³ Trump's Volatile New Memecoin Sucks Flows, Saps Wider Crypto Market. – *Bloomberg*. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2025-01-18/crypto-fans-bid-up-trump-branded-token-days-before-inauguration> (accessed 22.01.2026).

⁴ Политический отчет Центрального Комитета КПРФ XVIII съезду партии. – *КПРФ*. Доступ: <https://kprf.ru/party-live/cknews/201822.html> (проверено 22.01.2026).

нение информации через *You Tube* и *Tik Tok*, сетевая организация без единого центра управления представляли альтернативную модель политического действия. КПРФ, участвуя в этих протестах избирательно и осторожно, стремилась сохранить баланс между оппозиционностью и встроенностью в политическую систему. Так, на масштабном протестном выступлении 2011 г., по замечанию первого секретаря МГК КПРФ В.Ф. Рашкина, «коммунисты официально не принимали участие в акции на Болотной площади в Москве», однако партия использовала эту площадку для распространения агитационных материалов в поддержку кандидата от компартии Г.А. Зюганова¹.

Феномен «умного голосования», предложенный командой А. Навального в 2019 г., представлял собой попытку координации электорального поведения через цифровые платформы в обход партийных структур. Стратегия консолидированного голосования за наиболее сильного оппозиционного кандидата независимо от его партийной принадлежности подрывала традиционную партийную лояльность. На региональных выборах 2019–2020 гг., как отмечают эксперты, многие кандидаты от КПРФ получили поддержку «умного голосования»², хотя сам Г.А. Зюганов подчеркивал, что победы коммунистов никак не связаны с этой стратегией. Тем не менее все это создавало для партии дилемму между принятием внепартийной поддержки и сохранением организационной автономии.

В нашем представлении трансформация медиапространства качественно изменила механизмы политической коммуникации. Если в 1990-е гг. телевидение оставалось основным каналом политического влияния (достаточно вспомнить роль НТВ Гусинского или ОРТ Березовского), то к 2020-м гг. произошла фрагментация информационного поля. *You Tube*-каналы, прежде всего оппозиционной направленности, набирали миллионы просмотров, подкасты создавали альтернативные площадки для политических дискуссий. Однако цифровая медиатизация политического пространства не ограничивалась только оппозиционным сегментом. В условиях фрагментации информационного поля и ослабления роли партий как институциональных посредников даже представители системных политических сил стали выстраивать собственные медиастратегии, зачастую обходя официальную партийную идентичность. Так, *Telegram*-канал Дмитрия Медведева, регулярно публикующий резкие заявления по вопросам внешней и внутренней политики, стал площадкой персонального позиционирования, не вписывающейся в рамки формального партийного языка «Единой России»: на текущий момент он насчитывает более 1,6 млн подписчиков со средним охватом публикации в 2,2 млн³. Похожие процессы наблюдались и у коммунистов: политики вроде Николая Бондаренко и Валерия Рашкина активно развивали личные блоги и *You Tube*-каналы, где говорили «от себя», а не от имени партии. Сегодня, хотя и со значительным отставанием от более медийных политических персон, развивается и официальный *Telegram*-канал Г. Зюганова, насчитывая 6,7 тыс. подписчиков⁴. Все это свидетельствует о

¹ В.Ф. Рашкин: Болотная площадь – это не только «оранжевое болото». Зюганов – наш президент! – *КПРФ*. Доступ: <https://kprf.ru/actions/102173.html> (проверено 22.01.2026).

² На выборах в Мосгордуму победили Навальный и его «умное голосование». – *Ведомости*. 10.09.2019. Доступ: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2019/09/09/810870-viborah-mosgordumu> (проверено 22.01.2026).

³ Дмитрий Медведев. @medvedev_telegram. – *TGStat*. Доступ: https://tgstat.ru/channel/@medvedev_telegram/stat (проверено 22.01.2026).

⁴ Геннадий Зюганов. @zyuganov. – *TGStat*. Доступ: <https://tgstat.ru/channel/@zyuganov> (проверено 22.01.2026).

процессе департизации публичной политики, при котором узнаваемость, репутация и медийная активность политических акторов оказываются важнее их формальной принадлежности к тем или иным партиям.

Отметим в общем виде основные факторы трансформации партийной системы в России:

– институциональные изменения законодательства о партиях (2001, 2004, 2012 гг.);

– технологическая революция в коммуникациях (распространение Интернета – с 2% населения в нулевых годах¹ до 89% в 2025², социальных сетей, мессенджеров);

– поколенческие сдвиги в электоральном поведении (доля избирателей, не заставших СССР, выросла с 5% в 2000 г. до 25% в 2020 г., снизилась партийная лояльность среди молодежи);

– персонализация политики (возрастание роли личного бренда политика);

– глобализация протестных практик (заимствование форм и методов из международного опыта);

– кризис идеологических различий между системными партиями;

– развитие горизонтальных сетевых структур взамен вертикальных иерархий.

Региональное измерение партийной трансформации демонстрировало неравномерность процессов. В национальных республиках – Татарстане, Башкортостане, Чечне – сохранялась высокая электоральная дисциплина и контроль региональных элит над партийными структурами. В крупных городах – Москве, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге, Новосибирске – наблюдалась большая автономия избирателей и востребованность альтернативных форм политического участия. КППРФ же сохраняла устойчивые позиции в «красном поясе» – Орловской, Омской, Новосибирской областях, Алтайском крае, где партийная организация опиралась на ностальгию старших поколений по советским временам [Туровский 2012: 118].

Экономические кризисы 1998, 2008–2009, 2014–2015, 2020 гг. создавали окна возможностей для оппозиционной мобилизации, но не приводили к укреплению партийных структур. Напротив, протестная активность чаще канализировалась через профсоюзы (забастовки дальнбойщиков 2015–2017 гг.), локальные инициативы (протесты против строительства мусорных полигонов в Архангельской области 2018–2020 гг.), тематические движения (защитники Химкинского леса, движение обманутых дольщиков). КППРФ пыталась встраиваться в эти процессы, но часто, как и в случае митингов политического характера, оказывалась в роли догоняющего, а не организующего актора, что дало повод известным политологам называть КППРФ «бумажным тигром оппозиции»³.

Пандемия *COVID-19* в 2020–2021 гг. ускорила цифровизацию политической жизни. Онлайн-голосование, дистанционные съезды и конференции, виртуальные митинги стали новой реальностью. КППРФ, традиционно

¹ Russia. Internet Usage and Marketing Report. – *Internet World Stat*. URL: <https://web.archive.org/web/20121130211532/http://www.internetworldstats.com/euro/ru.htm> (accessed 22.01.2026).

² Сколько людей в России пользуются интернетом: статистика и факты. – *Skypro*. Доступ: <https://sky.pro/wiki/analytics/skolko-lyudej-v-rossii-polzuyutsya-internetom-statistika-i-fakty/> (проверено 22.01.2026).

³ Владимир Гельман: «Бумажные тигры» оппозиции. Слухи и факты. Доступ: <https://1000inf.ru/news/10393/> (проверено 22.01.2026).

скептически относившаяся к электронному голосованию, была вынуждена адаптироваться к новым условиям, создавая системы контроля за дистанционным волеизъявлением и развивая собственные цифровые платформы. Одновременно пандемия продемонстрировала значимость неполитических акторов – волонтерских движений, благотворительных фондов, профессиональных сообществ – в решении социальных проблем. Как отмечает М.М. Лебедева, в условиях пандемии в социополитическом ландшафте наблюдалась «взаимопомощь структур гражданского общества, в том числе деятельность ряда НПО, включая волонтерские и религиозные организации» [Лебедева 2022: 98].

Современная российская политическая система характеризуется парадоксальным сочетанием формального многопартийного представительства и фактической деполитизации партийных структур. Выборы в Государственную Думу 2021 г. продемонстрировали устойчивость сложившейся конфигурации: «Единая Россия» – 324 мандата (49,82%), КПРФ – 57 мандатов (18,93%), ЛДПР – 21 мандат (7,55%), «Справедливая Россия – За Правду» – 27 мандатов (7,46%), «Новые люди» – 13 мандатов (5,32%)¹. При этом явка составила 51,72%, что отражает ограниченную электоральную мобилизацию.

Отметим, что и начало специальной военной операции (СВО) в феврале 2022 г. не привело к существенному изменению роли партий в политической системе России. Основной водораздел в общественно-политическом пространстве прошел не по партийным линиям, а по отношению к российской политике в украинском вопросе. Парламентские партии «Единая Россия», КПРФ, ЛДПР и «Справедливая Россия – За Правду» в общем виде поддержали решение о проведении СВО. Непарламентские партии («Родина», Российская партия пенсионеров за социальную справедливость, Партия Роста) также в большинстве своем заняли околопатриотическую позицию, хотя и призывали к необходимости мирного урегулирования конфликта посредством переговоров. Некоторые партии инициировали включение участников СВО в свои руководящие органы: так, «Единая Россия» объявила, что «308 кандидатов из числа участников СВО стали у нас депутатами различных уровней»², ЛДПР выдвинула несколько участников СВО на довыборах в региональные законодательные собрания³. Однако эти меры не привели к усилению партий как политического института: гуманитарная помощь, волонтерские движения, сбор средств для армии организовывались преимущественно через неполитические структуры – Народный фронт, фонды помощи, общественные организации. КПРФ обосновала свою позицию через призму марксистско-ленинской идеологии, интерпретируя конфликт как противостояние империалистическому Западу. По словам Геннадия Зюганова, «КПРФ определяет нынешнее украинское государство как альянс крупного капитала, высшей бюрократии и откровенных

¹ Об установлении общих результатов выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации восьмого созыва. – ЦИК РФ. Доступ: http://www.cikrf.ru/analogue/ediny-den-golosovaniya-2021/p_itogi/ (проверено 22.01.2026).

² Единая Россия вовлечет участников СВО в политическую жизнь партии. – *РИА Новости*. 10.12.2024. Доступ: <https://ria.ru/20241210/edro-1988408020.html> (проверено 22.01.2026).

³ Три участника СВО, выдвинутых от ЛДПР, станут депутатами. – *ЛДПР*. 13.09.2024. Доступ: <https://astrakhan.ldpr.ru/event/388892> (проверено 22.01.2026).

фашистов»¹. При этом партия проводила акции и надпартийного характера – гуманитарные конвои в Донбасс организовывались совместно с профсоюзами и общественными организациями. Таким образом, даже в условиях мобилизации патриотических настроений партийные структуры не смогли монополизировать политическую повестку, уступая место межпартийным коалициям, общественным движениям и государственным институтам.

Исходя из этого, систематизируем основные вызовы для традиционных партийных структур в современной России:

- конкуренция с непартийными формами политической активности;
- необходимость работы в условиях алгоритмической фильтрации контента;
- размывание границ между политическим и неполитическим активизмом;
- кризис традиционных форм членства и партийной дисциплины;
- потребность в постоянной медийной активности и производстве контента;
- балансирование между системной интеграцией и оппозиционной идентичностью;
- адаптация к запросам новых поколений избирателей;
- конкуренция за внимание в перенасыщенном информационном пространстве.

Сравнительный анализ траекторий постсоветских государств выявляет различные модели партийной эволюции. Так, Украина после Майдана 2014 г. пережила радикальное обновление партийной системы – партия «Слуга народа» Владимира Зеленского, созданная в 2017 г. на основе телесериала, получила абсолютное большинство в 2019 г. Беларусь сохранила околосоветскую модель с доминированием беспартийного президента и отводом оппозиционных партий от политического пространства до протестов 2020 г., которые также развивались преимущественно вне партийных структур. Казахстан демонстрировал управляемую трансформацию с переименованием правящей партии «Нур Отан» в «Аманат» в 2022 г.

Концепция партии-платформы, предложенная итальянским политологом П. Гербаудо, описывает новый тип политической организации, где традиционная иерархическая структура заменяется сетевой архитектурой, идеологическая программа – набором модульных позиций по конкретным вопросам, а членство – различными формами участия и поддержки. Партии-платформы – это форумы. «Для нового типа партий успех в значительной степени зависит от степени участия их сторонников и от дискуссий, которые партии развивают на своих организационных и коммуникативных платформах» [Лемешова 2022: 188]. Российские примеры такой трансформации пока ограничены в сравнении с зарубежным опытом, однако уже включают движение «Яблоко» в сторону большей открытости, эксперименты «Новых людей» с цифровыми технологиями рекрутинга.

КПРФ же в условиях системной трансформации демонстрирует диалектическое сочетание организационной устойчивости и политической маргинализации. Сохраняя формальные атрибуты массовой партии – разветвленную структуру, идеологическую программу, партийную прессу («Правда», «Советская Россия»), систему политического образования, партия постепенно снижает способность к мобилизации новых социальных

¹ Опыт советского народовластия и задачи КПРФ в борьбе за подлинную демократию, социальный прогресс и дружбу народов. – *КПРФ*. 10.11.2022. Доступ: <https://kprf.ru/party-live/cknews/214504.html> (проверено 22.01.2026).

групп. Средний возраст членов КПРФ – 53,5 года¹, попытки омоложения через создание молодежных организаций дают ограниченный эффект, хотя сама партия и отмечает, что «ползучее омоложение <...> начинает ускоряться». Электоральная база партии сокращается по мере естественной убыли советских поколений, а привлечение новых сторонников затруднено поиском актуальных, выходящих за рамки советского нарратива форм политической работы.

Феномен «цифрового разрыва» особенно остро проявляется в деятельности КПРФ. Если молодежные протестные движения естественно существуют в цифровой среде, используя мемы, вирусный контент, геймификацию политического участия, то Коммунистическая партия с трудом адаптируется к новым форматам. Попытки создания *YouTube*-каналов, ведения аккаунтов в социальных сетях часто выглядят вторичными и неорганичными, хотя и демонстрируют определенный численный успех. Традиционные формы партийной работы – собрания, митинги, распространение газет – все меньше резонируют с жизненным опытом цифровых поколений. Хотя в 2025 г. КПРФ и объявила, что «собирается» использовать искусственный интеллект для подготовки мероприятий и генерации агитационной информации², ЛДПР еще двумя годами ранее представила нейросеть «Жириновский», созданную на основе публичных выступлений и интервью российского политика³, а «Единая Россия» уже активно реализует проект «Искусственный интеллект для всех»⁴.

Институциональная инерция проявляется в сохранении КПРФ формальных позиций в политической системе при снижении реального влияния. Представительство в Государственной думе, региональных законодательных собраниях, участие в выборах различного уровня создают иллюзию политической субъектности, имеющей действительный вес. Однако способность партии влиять на принятие решений, формировать повестку дня, мобилизовать массовую поддержку неуклонно снижается. Превращение в «системную оппозицию» – удобного спарринг-партнера для власти демонстрирует исчерпание трансформационного потенциала традиционной партийной формы. Альтернативные формы политической организации демонстрируют большую адаптивность к современным условиям. Экологические движения мобилизуют активистов вокруг конкретных проблем без создания формальных структур. Урбанистические инициативы объединяют горожан для решения локальных вопросов через цифровые платформы. Правозащитные организации формируют сети солидарности, выходящие за национальные границы. Профессиональные сообщества вырабатывают корпоративные позиции по политическим вопросам без партийного оформления. Эти новые формы коллективного действия постепенно вытесняют традиционные партии из публичного пространства.

¹ Ползучее омоложение КПРФ начинает ускоряться. – *Независимая газета*. 28.05.2024. Доступ: https://www.ng.ru/politics/2024-05-28/3_9017_kprf.html (проверено 22.01.2026).

² В КПРФ хотят использовать ИИ для агитации. – *ИТВ*. Доступ: https://www.1tv.ru/news/2025-07-05/514407-v_kprf_hotyat_ispolzovat_ii_dlya_agitatsii (проверено 22.01.2026).

³ «Наносемантика» разработала для ЛДПР первый в мире политический алгоритм – нейросеть «Жириновский». – *Наносемантика*. Доступ: <https://nanosemantics.ai/blog/656> (проверено 22.01.2026).

⁴ В штабе общественной поддержки «Единой России» продолжается реализация проекта «Искусственный интеллект для всех». – *Единая Россия*. Доступ: <https://proekty.er.ru/news/er-news-3536185> (проверено 22.01.2026).

Итак, исторический анализ постсоветского периода демонстрирует, что политические партии как форма организации коллективного политического действия возникли в специфических условиях модерна – в период формирования национальных государств, массовой политики, идеологической борьбы. Трансформация этих базовых условий в эпоху постмодерна закономерно ведет к кризису партийной формы. Деидеологизация политики, индивидуализация социальных практик, цифровизация коммуникаций, глобализация протестных движений создают новую реальность, в которой традиционные партии выглядят скорее анахронизмом. КПРФ, пытаясь сохранить преемственность с советской эпохой, оказывается в особенно сложном положении – между необходимостью адаптации к новым условиям и стремлением сохранить идентичность. Исторический опыт свидетельствует, что институциональные формы, утратившие соответствие социальной реальности, неизбежно уступают место новым способам организации, более адекватным духу времени. Вопрос заключается не в том, станут ли партии окончательным атавизмом политической системы, а в том, какие формы коллективного политического действия придут им на смену и как скоро завершится этот исторический транзит.

Список литературы

- Байме К., фон. 2003. Партии в процессе демократической консолидации. – *Повороты истории. Постсоциалистические трансформации глазами немецких исследователей* (ред.-сост. П. Штынов). Т. 2. *Постсоциалистические трансформации: в сравнительной перспективе*. СПб: Европейский университет в Санкт-Петербурге.
- Волков Д.А. 2012. Протестное движение в России глазами его лидеров и активистов. – *Вестник общественного мнения*. № 3–4. С. 141-185.
- Восленский М.С. 2020. *Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза*. М.: Директ-Медиа. 662 с.
- Дюверже М. 2013. *Политические партии* (пер. с фр. Л.А. Зиминой). 5-е изд. М.: Гаудеамус; Академический Проект. 540 с.
- Коргунюк Ю.Г. 2007. *Становление партийной системы в современной России*. М.: б.и. 543 с.
- Лебедева М.М. 2022. Влияние пандемии COVID-19 на мировую политику. – *Вестник МГИМО-Университета*. Т. 15. № 1. С. 92-110. DOI: 10.24833/2071-8160-2022-1-82-92-110.
- Лемешова Т.В. 2022. Трансформация политических партий: от кадровых к сетевым. – *Социологический альманах*. № 13. С. 181-189.
- Михельс Р. 2022. *Социология политической партии в условиях демократии*. М.: Дело. 442 с.
- Острогорский М.Я. 1997. *Демократия и политические партии* (отв. ред., авт. вступ. ст. и коммент. А.Н. Медушевский). М.: РОССПЭН, 639 с.
- Сартори Д. 2004. Партии и партийные системы: рамки анализа. – *Партии и выборы: хрестоматия* (отв. ред. и сост. Н.В. Анохина, Е.Ю. Мелешкина). М.: Изд-во МГИМО(У) МИД РФ. С. 14-25.
- Туровский Р.Ф. 2012. Электоральное пространство России: от навязанной национализации к новой регионализации? – *Полития. Анализ. Хроника. Прогноз*. № 3(66). С. 100-120.
- Lanzone M.E. 2014. The «Post-Modern» Populism in Italy: The Case of the Five Star Movement. – *The Many Faces of Populism: Current Perspectives*. Emerald Group Publishing Limited. P. 53-78.

MAYOROV Georgy Aleksandrovich, *Cand.Sci. (Econ.)*, Associate Professor; Associate Professor of the Chair of Sociology, Psychology of Management and History, State University of Management (99 Ryazansky Ave, Moscow, Russia, 109542; matorov.7575@mail.ru)

POLITICAL PARTIES AS A HISTORICAL PHENOMENON: THE TRANSFORMATION OF FORMS OF POLITICAL PARTICIPATION AND THE PLACE OF THE COMMUNIST PARTY IN MODERN RUSSIA

Abstract. *The article analyzes the historical transformation of the institution of political parties from the moment of its emergence in the 17th–18th centuries up to the present stage, with an emphasis on the evolution of the Russian party system of the post-Soviet period and the position of the Communist Party in this process. The study covers the period of 1990–2025, tracing the changing role of parties in the context of the emergence of alternative forms of political mobilization, such as media leaders, digital platforms, network movements and situational protest coalitions. Based on a comparison of Russian and international experience, the author reveals a tendency to reduce the monopoly position of parties in the system of political representation while maintaining their formal institutional status, which allows us to raise the question of whether the traditional party form meets the challenges of our time. The CPRF is presented as a case of a party balancing between maintaining organizational continuity with the Soviet era and the need to adapt to fundamentally different operating conditions, reflecting the general contradictions of the evolution of party structures in the era of digitalization and individualization of political participation.*

Keywords: *political parties, Communist Party of the Russian Federation, transformation of party system, historical process, post-Soviet Russia, departisation, new forms of political participation*